

Всё
начинается
на дне

• Автор Наталья Брагина •

← Сказка - притча →

Наталья Брагина

Всё начинается на дне

<https://litres.ru/74314498>

SelfPub; 2026

Аннотация

Волшебная история о мальчике Фиме, который не может пройти мимо чужой боли. Из-за своей чуткости он становится изгоем в обычном мире, но судьба дарит ему удивительное путешествие в подводный город, где доброта ценится превыше всего.

Там он встречает друзей: изобретательницу Искру, застенчивого Чёртика и колючего Ёршика. Вместе они учатся главному — быть собой и верить в силу добрых дел.

Это история о том, что слабость может оказаться силой, а падение — частью полёта. Трогательная притча о взрослении, принятии себя и поиске своего места в мире. Книга покажет, как один человек может изменить мир вокруг себя, оставаясь верным своим принципам.

Содержание

Глава 1. Не просто пруд	4
Глава 2. Шаг в неизвестность	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Наталья Брагина

Всё начинается на дне

Глава 1. Не просто пруд

Фима знал этот парк как свои пять пальцев — каждый изгиб тропинки, каждый скрип качелей, каждую выбоину на асфальте возле горки. Для него это был не просто городской парк, а целый мир, где всё имело своё место и свой смысл.

По утрам тут было тихо: редкие прохожие спешили по делам, охранник парка прохаживался по всем закоулкам и следил за порядком, голуби важно расхаживали по дорожкам, а солнце ласково скользило по листве, раскрашивая всё вокруг в тёплые золотистые тона. Днём парк оживал: на площадке звенел смех, кто-то качался на качелях, кто-то карабкался по лесенкам, мальчишки гоняли мяч, а девчонки шептались в тени деревьев. Фима любил наблюдать за этой суетой, впитывать её, как губка впитывает воду. Ему нравилось, что здесь всегда что-то происходит, и каждый день парк был немного другим.

Он часто сидел на своей любимой скамейке у пруда — не слишком близко к воде, но так, чтобы видеть, как по глад-

кой поверхности скользят утки, а в глубине медленно кружатся водоросли, похожие на зелёные ленты. Иногда он бросал крошки хлеба и смотрел, как они исчезают в воде, будто унося с собой маленькие секреты. В такие минуты ему казалось, что пруд — это граница между обычным миром и каким-то другим, таинственным, куда можно заглянуть, если очень внимательно смотреть.

На детской площадке Фима тоже чувствовал себя почти своим. Он не был самым быстрым или самым сильным, но умел замечать то, что другие пропускали: как у кого-то дрожат губы после несправедливого слова, как кто-то отворачивается, чтобы скрыть обиду, как смех вдруг становится колючим. И тогда внутри у него что-то сжималось, и он не мог просто стоять и смотреть. Он вмешивался — иногда неловко, иногда слишком громко, иногда так, что сам попадал под насмешки. Но он не мог иначе.

Солнце клонилось к закату, и парк будто съёживался от наступающих сумерек — длинные тени ложились на дорожки, а скрип качелей звучал теперь не весело, а как-то тревожно, будто сам воздух знал: сегодня случится что-то важное.

Фима стоял у края детской площадки, сжав кулаки так, что ногти впивались в ладони. Он не умел отворачиваться, когда кого-то обижали. Каждый раз, когда мальчишки постарше толкали кого-то послабее, когда смех становился

злым, а не радостным, внутри у Фимы всё сжималось, и он сделал шаг вперёд — не потому что был смелым, а потому что тишина казалась ему громче крика. И сегодня он снова шагнул. Снова попытался сказать: «Хватит!» — и слова его прозвучали тонко, почти беспомощно, но всё же прозвучали.

А потом случилось то, чего он не ждал: смех повернулся к нему. То, что было направлено на других, теперь ударило по нему самому. Чужие голоса стали колючими, слова — острыми, а мир, который ещё минуту назад казался просто шумным и неидеальным, вдруг стал враждебным. Фима почувствовал, как к горлу подступает ком, а в груди разрастается тяжёлое, горькое чувство — будто его вытолкнули за невидимую черту, туда, где никто не слышит.

Он не помнил, как сорвался с места. Просто ноги сами понесли его прочь, мимо скрипучих качелей, мимо горки, по тропинке, которая вилась между кустов и терялась у пруда. Вода в нём лежала неподвижно, как тёмное зеркало, отражая багровый край неба. Фима добежал до берега, задыхаясь, и остановился, чувствуя, как слёзы жгут глаза, но не давая им пролиться — он стискивал веки, будто хотел стереть этот день, стереть тот смех, стереть ощущение собственной беспомощности.

И тогда, стоя у самой кромки воды, с закрытыми глаза-

ми, он вдруг почувствовал, как земля уходит из-под ног — не резко, не пугающе, а мягко, словно кто-то очень бережно подхватил его и понёс вниз, сквозь толщу воды. Воздух исчез, но страха не было — только странное, тягучее ощущение полёта и тишины, такой глубокой, что она казалась почти живой.

Когда Фима наконец решился открыть глаза, он уже не стоял на берегу.

Фима очнулся в комнате, похожей на уютную нору — но не тёмную и тесную, а такую, где даже тишина казалась доброй. Стены были сложены из гладких округлых камней, будто кто-то очень терпеливо подбирал каждый, чтобы они легли ровно, без острых углов, без резких краёв — будто этот дом заранее знал: сюда придёт тот, кто сегодня слишком много наслушался колючих слов. Между камнями проглядывали полоски мха и тонкие нити водорослей — не как трещины, а как аккуратные стежки, которыми природа заботливо «зашила» все возможные сквозняки.

Свет здесь был особенный: не яркий, не слепящий, а мягкий, будто собранный по капелькам из солнечных лучей, что когда-то падали на поверхность пруда. Он не резал глаза, а мягко ложился на вещи, делая их чуть волшебнее: чашку на столике, плед, сложенный так, будто его только что поправи-

ли чьи-то тёплые руки, маленькие тапочки у стены — и Фима вдруг понял: здесь живут другие дети. Не призраки, не тени, а настоящие ребята, которые просыпаются по утрам, пьют из этих чашек, кутаются в эти пледы, боятся темноты ровно до тех пор, пока не зажгут свой маленький свет. И теперь этот дом будто шептал ему: «Ты здесь не один».

Он поднялся, и пол под ногами приятно пружинил — не как бетон, не как доски, а словно был соткан из чего-то живого: то ли из переплетённых корней, то ли из самой тишины, которая умеет быть тёплой. Подойдя к круглой двери — простой, деревянной, без перламутра, но отполированной до такой гладкости, будто её тысячу раз касались детские ладони, — Фима замер. Из-за неё доносились голоса: не громкие, не спорящие, а спокойные, с той интонацией, когда люди не пытаются перекричать друг друга, а стараются быть услышанными. Кто-то смеялся легко, без насмешки; кто-то что-то объяснял терпеливо, будто знал, что понять новое — это труд, и его нельзя торопить; кто-то тихо напевал мелодию, в которой слышался плеск воды и шелест ветра одновременно. И в этом хоре голосов Фиме почудилось что-то очень важное: здесь никто не затыкает уши, когда кто-то говорит.

Он медленно повернул ручку — она была тёплой, будто её только что держали чьи-то руки, согревая на случай, если кто-то зайдёт. Дверь открылась без скрипа, будто давно при-

выкла открываться для тех, кто готов войти не с кулаками, а с вопросом.

И тогда он увидел нечто такое, что даже в самых смелых своих фантазиях не мог себе представить.

Перед ним раскинулась целая деревня на дне пруда — не мрачная, не пугающая, а яркая, живая, будто сотканная из детских снов и самых добрых минут. Домики были похожи на норы, но каждая из них была украшена так, что хотелось остановиться и разглядывать каждую деталь: на окнах висели яркие ставенки, расписанные узорами из пузырьков и тонких линий — будто кто-то рисовал их прямо на стекле, пока оно ещё было тёплым. Одни ставенки переливались бирюзой, другие — изумрудом, третьи — янтарём, словно в них застыли кусочки закатов и рассветов.

По дорожкам, сплетённым из стеблей водяных трав, сновали рыбы — но не просто плавали, а несли корзинки, мешочки, свёртки; они были настоящими доставщиками, и в их движениях чувствовалась деловитая важность, будто каждый знал: его груз кому-то нужен. Мальки стайками кружились возле клумб, где вместо цветов росли пышные водоросли: одни были похожи на кружевные веера, другие — на пушистые облака, третьи — на закрученные спирали, в которых, казалось, прятались маленькие тайны. Мальки бережно

подравнивали их крошечными плавничками, словно садовники, которые знают: красота требует внимания, но не силы.

А потом Фима уловил аромат — тёплый, сладкий, манящий. Это была свежая выпечка: булочки с ванилью, вафли, пряники, пропитанные запахом мёда и корицы. Аромат плыл над деревней, смешиваясь с запахом водорослей и соли, и казалось, что сама вода стала чуть слаще от этого запаха. И в этом запахе было что-то удивительно знакомое — как запах дома, куда хочется возвращаться, даже если день был тяжёлым.

Он пошёл на этот запах, чувствуя, как внутри просыпается что-то давно забытое — лёгкость, любопытство, предвкушение чуда. И вскоре перед ним возник домик, который выглядел так, будто его придумали в самом счастливом сне: крыша была сделана из огромных вафельных пластин, хрустящих на вид, но, кажется, прочных, как камень; окна — разноцветные, карамельные, каждое своего оттенка: одно — янтарное, другое — медовое, третье — цвета тёмного шоколада, четвёртое — прозрачное, как капля росы. Сквозь них лился мягкий свет, и Фиме вдруг показалось, что если он прижмётся лбом к такому стеклу, то услышит, как внутри тихо поёт тепло.

В этом месте не было ни криков, ни насмешек, ни той

колючей тишины, которая заставляла сжиматься от страха. Здесь каждый был нужен, каждый знал своё дело, и даже самые маленькие мальки чувствовали себя важными. И впервые за долгое время Фима понял: возможно, быть тем, кто не отворачивается, когда кому-то больно, — это не слабость, а особый талант, который здесь умеют ценить.

Он стоял, впитывая этот мир, и чувствовал, как тяжесть, которую он принёс с собой из того, другого парка, потихоньку растворяется в тёплом свете и сладком аромате, уступая место чему-то новому — спокойной уверенности, что здесь его поймут. И ещё он понял одну вещь, тихую, но очень важную: доброта — это тоже труд. Как у мальков, которые терпеливо ровняют водоросли. Как у рыб, которые несут свои корзинки сквозь течение. Как у тех, кто делает ставенки яркими, чтобы в каждом окне горел свой маленький свет. И, может быть, его собственный труд — не отворачиваться — тоже здесь пригодится.

Глава 2. Шаг в неизвестность

Фима шагнул внутрь, и его тут же окутал густой, тёплый аромат — ваниль, мёд, какао и ещё что-то неуловимо праздничное, будто в этом запахе спрятались все самые хорошие дни сразу.

Кондитерская пахла ванилью и горячим тестом — этот запах сразу делал всё чуть менее страшным. У стены сияла витрина: пирожные с завитками крема стояли ровными рядами, будто обещали, что здесь всё будет по порядку. На прилавке Фима заметил печенье в форме звёздочек — оно выглядело по-детски просто, и от этого ему вдруг захотелось верить, что тут его не осудят.

Сбоку, за прилавком, стояла девочка. Она ловко разливала по формочкам блестящую шоколадную массу, ловко поддевала лопаткой застывающие кусочки и раскладывала их на пергамент, будто творила не сладость, а волшебство. На ней был аккуратный фартук, а волосы были заплетены в две тугие косички, которые пружинили при каждом движении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.